

УДК [94+176.176](470.44–25)18/19

Феномен проституции в повседневной жизни Саратова на рубеже XIX–XX веков

А. А. Ахметов

Ахметов Аскар Айипович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, askar.akhmetov.93@bk.ru

В статье исследуется феномен проституции в повседневной жизни г. Саратова на рубеже XIX–XX вв. На основе архивного материала рассмотрены особенности данной девиации, а также меры ее государственного контроля. Отражена местная специфика развития проституции в условиях раннеиндустриальной модернизации России.

Ключевые слова: г. Саратов, проституция, дом терпимости, «желтый билет», «бланк», публичный дом, Врачебно-полицейский комитет.

Поступила в редакцию: 17.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Saratov Prostitution at the Turn of the XX Century

A. A. Akhmetov

Askar A. Akhmetov, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6092>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, askar.akhmetov.93@bk.ru

The article examines the issue of Saratov prostitution as a part of everyday life at the turn of the XX century. The analysis of the deviation and its state control are based on the archive documents. Regional development in early years of Russian modernization was detected.

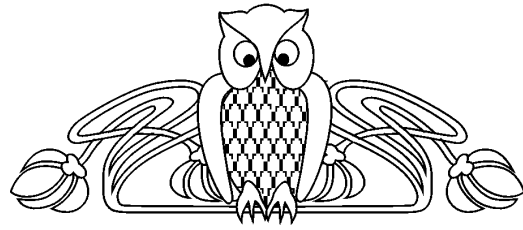
Keywords: Saratov, prostitution, bawdy-house, «yellow ticket», «blank», cathouse, Medical-police committee.

Received: 17.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-548-553>

В повседневности как специфической сфере историко-культурного бытия человечества важное место занимает проблема менталитета и глубокого всестороннего осмысления социальной реальности с точки зрения таких ее фундаментальных аспектов, как норма и аномалия. Проблема проституции как одна из форм отклонения от нормы в повседневности актуальна во все времена и во всех обществах. В России в пореформенный период в результате раннеиндустриальной модернизации усилились миграционные потоки крестьян в города. Процесс их адаптации к новым

городским условиям был сопряжен с трудностями, приводившими к снижению устойчивого психологического состояния и утрате традиционных норм поведения.

Дефиниция понятия «проституция» в науке является спорной и поэтому до сих пор нет точного определения этого явления. В начале XX в. один из авторов отмечал, что «под проституцией понимается торговля женщины ее телом с целью получить вознаграждение»¹. В XXI в. исследователи относят проституцию к одной из наиболее устойчивых форм девиантного поведения и рассматривают ее как «систему общественных отношений, посредством которых реализуются внебрачно-коммерческие формы сексуального поведения»².

Легализация и регламентация проституции в России была связана с широким распространением венерических заболеваний среди населения, особенно в крупных городах. В 1843 г. в Петербурге был создан Врачебно-полицейский комитет (далее – ВПК) по надзору за проститутками. В соответствии с приказом министра внутренних дел Д. А. Перовского, все проститутки должны были зарегистрироваться во Врачебно-полицейском комитете и, таким образом, превращались в своеобразных поднадзорных. Паспорта у девиц изымались, а взамен выдавалось медицинское свидетельство – знаменитый «желтый билет», устанавливающий статус «публичных женщин». Еще в 1799 г. император Павел I, известный своим пристрастием к мундирам и знакам отличия, ввел для проститутки специальную одежду – желтое платье. Хотя в этих нарядах проститутки щеголяли недолго, именно с того времени желтый цвет стал символом профессии.

В 1844 г. появились правила для содержательниц публичных домов и проститутки, а в 1861 г. вышел «Табель о проституции», в котором регламентировалась деятельность домов свиданий³. Основные положения этого документа остались без изменений до 1917 г. Правительство установило возрастной ценз для проститутки: в публичные дома девушки принимались с 16, а индивидуальной проституции могли заниматься – с 18 лет⁴. В 1901 г. был установлен более высокий возрастной ценз для индивидуальной проституции – 21 год⁵. Однако на практике при приеме девушек в дома терпимости документов не спрашивали, возраст определяли «на глаз», и средний возраст девиц колебался от 16 до 28 лет.

В Саратове, как и по всей России, легализация проституции сопровождалась установлени-

ем контроля за проститутками. Первоначально эти функции были возложены на Временную санитарную комиссию⁶, основной задачей которой являлся надзор за санитарным состоянием города⁷. Судя по архивным материалам, власти губернского города в 1870-х гг. столкнулись с большими трудностями в установлении контроля за проституцией. В частности, полицмейстер Саратова в своем отчете губернатору отмечал: «Во-первых, недобросовестное отношение на местах к врачебно-полицейским предписаниям; во-вторых, совершенное непонимание самого населения в опасности венерических болезней»⁸. Полицмейстер просил губернатора установить более серьезную ответственность за халатность со стороны компетентных ведомств, а также расширить медицинский контроль в губернии⁹.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период проституция была легализована, она также относилась к форме девиантного поведения, поскольку осуждалась и не принималась обществом как форма нормального поведения. В законодательстве рассматриваемого периода проституция олицетворяла собой принцип противозаконной сексуальности, осуществление надзора за которой являлось прямой функцией государства. При этом власть признавала проституцию непосредственным инструментом сексуальной социализации индивида, тем самым преследовалась цель снижения случаев насилия по отношению к женщинам. Врачебный инспектор г. Саратова, Н. Гольдберг в письме городскому главе Недошивину так выразил позицию власти по отношению к проституции: «Лучшими деятелями науки и нашим правительством признано, что для успокоения нормальной физической потребности полового сближения следует допустить терпимость проституции, дабы оградить индивида от извращения потребности и заболевания вследствие воздержания, а общество от преступных деяний, вследствие подавления этой потребности»¹⁰.

Для установления эффективного надзора за проституцией 15 января 1883 г. в Саратове был создан ВПК под руководством полицмейстера¹¹. Содержание комитета полностью возлагалось на Городскую Думу – ежегодно на его работу выделялось 300 руб.¹² Кроме полицмейстера, в его состав входили два городских врача, военный врач и офицер. В функциях комитета значились введение учета публичных женщин, внесение их в особые книги, еженедельный медицинский осмотр проституток городскими врачами в полицейских частях города по месту проживания, а также розыск и установление надзора «за притонами и женщинами, тайно промышлявшими развратом», и ведения реестра проституток¹³.

В реестре публичных женщин второй полицейской части в 1897 г. имелось 150 страниц¹⁴. Наличие большого количества женщин, занимавшихся проституцией, объясняется тем, что

Саратов на рубеже XIX–XX вв. являлся крупным торговым и промышленным городом и привлекал внимание пришлого люда. «Губернский город Саратов велик по числу жителей, имеет пристани, железную дорогу, много фабрик, заводов, ремесленных заведений и отпускная торговля значительно развита. Следовательно, в Саратове кроме коренного населения, ежегодно вращается масса пришлого элемента»¹⁵, – отмечал городской врач Н. Гольдберг.

В городе существовало четкое деление проституции на явную, официальную, терпимую, состоявшую под регламентированным надзором, т. е. поднадзорную «билетную (бордельную)», и тайную, неофициальную, преследуемую, «бланковую (свободную)». Все виды проституции отличались как условиями труда и заработками проституток, так и возможностями потребителей. Проститутки дифференцировались на проживавших в публичных домах и имеющих медицинские билеты, и тех, кто занимался ремеслом самостоятельно, поодиночке, «свободно».

Места по продаже публичных услуг делились на специализированные, разрешенные властью и тайные, нелегальные заведения. Дом терпимости – специализированный публичный дом, в котором любой желающий за деньги мог получить сексуальные услуги от проживавших в нем проституток. К специализированным домам свиданий относились заведения, которые предлагали апартаменты для встреч мужчин и женщин. Дома терпимости и дома свиданий, как правило, в г. Саратове работали с разрешения власти.

Тайными публичными домами являлись многочисленные партерные, кабаки, гостиницы, бани и другие подобные заведения, которые, помимо прямого своего назначения, параллельно предоставляли сексуальные услуги. Так, например, в отчете саратовского полицейского от 23 декабря 1882 г. отмечалось, что «трактир «Портсмут» и портерная лавка «Франция» представляют собой «главный рассадник сифилиса». В этих заведениях находятся по несколько девиц и женщин, «промышляющих развратом, и они составляют главную доходную статью, без них, портерные немислимы и должны тогда прекратить свое существование»¹⁶. Для борьбы с тайной проституцией городские власти использовали агентов, которые следили за женщинами, посещавшими питейные и увеселительные учреждения «в одиночку»¹⁷. Они считались неблагонадежными, поскольку посещали данные заведения без сопровождения. Кроме того, в 1883 г. вышло постановление ВПК города, запрещавшее нанимать женщин в качестве прислуги, банщиц и горничных¹⁸.

Анализ документов позволяет выявить устройство домов терпимости. По регламенту ВПК содержать публичный дом могли исключительно женщины не моложе 35 лет при наличии пакета документов с обязательным свидетельством полиции о благонадежности кандидата

и письменным заверением владельца жилья, в котором предполагалось открыть заведение¹⁹.

Благонадежность содержательницы дома терпимости определялась запросом в полицейское управление по месту прописки. По архивным данным можно сделать вывод, что часто сама содержательница являлась подставным лицом, а фактическим управленцем заведения был другой человек, как правило, мужчина, который использовал жену или экономку для оформления прав на содержание публичного дома. Так, крестьянке Саратовской губернии Аткарского уезда, деревни Мотовиловки М. Эммануиловне, имевшей свидетельство на содержание «борделя», саратовским ВПК в открытии заведения было отказано по причине передачи права управления мещанину Н. Т. Иванову, у которого она служила экономкой²⁰.

Особое внимание уделялось месту расположения заведения: публичные дома должны быть удалены от церквей, училищ, школ, базаров и других общественных учреждений не менее чем на 150 саженцев с обязательным входом во двор²¹. В 1910 г. мещанка М. И. Вакулова получила отказ на обустройство «дома свиданий» на улице Верхний базар (между ул. Кутякова и Московской) по причине того, что «дом Виноградова расположен возле базара, где было и без того громадным скоплением всякого рода нежелательных элементов, поэтому наличие нового притона дает почву для усиления безобразия»²². На рубеже XIX–XX вв. известными улицами г. Саратова, где больше всего располагались публичных домов, являлись Петинная, Угодниковская, Камышинская и Валовая. Поскольку именно на этих улицах находилось больше всего трактиров, кабаков, номеров и гостиниц, спрос на сексуальные услуги всегда был высок.

В 1891 г. постановлением Уголовного кассационного департамента правительственного сената была введена ответственность за несоблюдение правил о регистрации проституток. По регламенту содержательницы домов терпимости обязывались вести списки зарегистрированных проституток, обновлять их и ставить пристава в известность при каких-либо изменениях²³. Список включал данные о дате поступления и отъезда девушки, ее порядковой номер, а также место, куда она выбыла. В случае, если девушка желала сменить место своего жительства, она должна была сообщить полиции населенный пункт своего нового проживания. Ее документы отправлялись в полицейский участок по месту пребывания²⁴. Так, в рапорте пристава четвертой части от 1899 г. отмечалось, что «проститутка П. М. Петрова саратовская цеховая 10 февраля уехала на жительство в Покровскую слободу»²⁵. При этом полиция имела право не отпускать ее за пределы города, если по сведениям врача у нее находили сифилис²⁶.

На основании описаний, сделанных ВПК во время осмотров домов терпимости, можно рекон-

струировать эти заведения. Одни представляли собой дома для состоятельных клиентов, «с большой гостиной, с пианино, высокими потолками, отдельные комнаты для приема посетителей, все комнаты светлые и сухие, меблированы с хорошей вентиляцией, при каждой имеется теплый ватерклозет»²⁷. Другие предназначались «для черной публики», олицетворяли собой «вертеп», «помещение без окон с сырыми стенами, мебель скудная»²⁸.

По правилам ВПК содержательница дома терпимости обязана была содержать его в чистоте. Однако не во всех публичных домах поддерживались гигиенические требования. Так, в доме терпимости солдатки Н. Г. Москвичевой на ул. Угодниковской приставами было обнаружено, что «в комнатах постели грязные и в полном беспорядке, воздух пропитан запахом алкоголя»²⁹. В таких случаях, как правило, ВПК лишал «нерадивую хозяйку» права содержать дом терпимости, однако власти города беспрепятственно позволяли открывать им новые бордели.

В тесной взаимосвязи с проституцией находился алкоголизм. Об этом свидетельствует тот факт, что серьезную проблему для саратовских властей представляло распространение спиртного в публичных домах. ВПК г. Саратова неоднократно отклонял прошения на организацию буфетов в домах терпимости с правом отпуска алкогольных напитков. Правило, утвержденное МВД от 29 мая 1844 г., запрещало продажу алкогольных напитков, в том числе и пива. В публичных домах разрешалась только продажа сельтерской воды и лимонадов³⁰. Однако возможность получения двойной прибыли не останавливала многих от риска потерять свидетельство на публичный дом. По донесениям полиции, «продажа алкогольных напитков, в том числе и пива, содержательницами публичных домов производится тайно и давно, при чем цены берутся вдвое против обыкновенного, из-за всего этого происходят многие безобразия: ссоры, драки и даже кража вещей у посетителей»³¹. Например, в одном из донесений постового указывалось, что «в 1892 г. женщины, работающие в доме терпимости Л. А. Мавриной, вечером 30 августа выбежали на улицу в пьяном виде в одном ночном белье и производили разные беспорядки, сопровождая их бранью; хозяйка, несмотря на предупреждение постового, никаких мер к прекращению беспорядков не принимала»³². Таким образом, владельцы публичных домов игнорировали запреты властей на продажу алкоголя.

В конце XIX – начале XX в. численность домов терпимости росла наиболее быстрыми темпами³³. Так, за период с 1890 по 1910 г. их число увеличилось с 26 до 43³⁴. Рост масштабов проституции можно объяснить общими тенденциями социально-экономического развития страны, болезненным переходом от патриархальной модели семьи к современной, основанной на сравнительно свободном выборе партнеров и

определенной независимости жены. Кроме того, на фоне революционных процессов происходило всеобщее падение нравственности и отмирание прежних ценностей.

Рассматривая социально-демографические особенности проституции, можно отметить, что среди содержательниц публичных домов по словному признаку преобладали мещанки – 57%, затем следовали крестьянки – 28%, солдатки – 10%, цеховые – 3%³⁵. На наш взгляд, это было связано с тем, что мещанки были более материально обеспеченными для содержания борделя и социально-адаптированными в городе, в отличие от крестьянок.

Напротив, среди жительниц публичных домов и проституток-одиночек, крестьянок было значительно больше (таблица).

Сословная принадлежность проституции в Саратове в начале XX века, %³⁶

Сословия	Содержательницы публичных домов	Обитательницы публичных домов
Крестьянки	28	58
Мещанки	57	33
Цеховые	3	5
Солдатки	10	4

Данные таблицы подтверждают общероссийскую тенденцию преобладания крестьянок в проституции. По мнению Н. Б. Лебиной и М. В. Шкаровского, «это явление можно назвать закономерным. Соблазн большого города сильнее всего действовал на людей, впервые с ним столкнувшихся. И чем многочисленнее становились миграционные потоки, тем больше усложнялся процесс адаптации приезжих к новым условиям жизни в городе»³⁷.

Основная часть женщин-крестьянок работала в городе прислугой и систематически подвергалась рискам: насилию со стороны хозяев, потере места жительства, что в условиях закрытого сословного общества лишало их средств к существованию. Не менее важную роль играло отсутствие образования, молодой возраст, неустроенность семейной жизни. Как результат, некритическое отношение к действительности, погоня за внешней ее стороной – материальным благополучием, «красивой жизнью».

Анализируя документы саратовского ВПК о взаимоотношениях владельцев публичных домов и женщин, работавших на них, можно прийти к выводу, что они были далеки от нормальных. Содержательницы всегда находили способ закабалить их: если принять во внимание, что «женщины в среднем зарабатывали по 10 рублей, половину отдавали за знакомство с гостями, еще ежемесячно за постель – 1 рубль, за стирку белья – 2 рубля, доктору – 3 рубля»³⁸, то в итоге получается, что женщина находилась в неоплатном

долгу у хозяйки. Н. Гольдберг отмечал, что в расчетных книжках на страницах прихода заработка «содержательницы занижают расходы и не перечисляют по-предметно на что удержаны деньги, в большинстве случаев огульно показано: уплачено столько-то, затем в долгу остается столько-то. Самый расчет между ними не совершается как того требуют правила, еженедельно, а как придется, так что стороннему лицу без пояснения причастных, невозможно разобраться»³⁹.

Кроме того, многие содержательницы незаконно скрывали венерически больных проституток от врачей, не желая тратить деньги на их лечение в Александровской больнице. В 1891 г. содержательница Л. А. Маврина была лишена права содержать дом терпимости за сокрытие проституток М. Ш. Самсоновой и Е. И. Добрыниной от врача в течение двух месяцев и допуск больных девиц к промыслу. В качестве причин уклонения от медицинского освидетельствования многие исследователи называют опасение потерять заработок из-за необходимости пребывания в больнице и страх перед проведением осмотра⁴⁰.

Неизбежным спутником проституции являлись венерические заболевания. Официальная статистика такова – при проверке из 178 женщин в домах терпимости в 1893 г. больными оказались 10, из тайных проституток – 16⁴¹. В 1914 г. их численность резко возросла: в документах ВПК сообщалось о 499 осмотренных женщинах, из которых 90 были больны⁴². Рост заболеваемости привел к росту частнопрактикующих врачей-венерологов «Ныне много развелось врачей-венерологов в следствии конкуренции»⁴³, – отмечал городской врач Н. Гольдберг.

Поэтому посещение борделей для клиентов, даже при наличии у проститутки медицинской книжки, представляло большой риск заражения венерическими болезнями. Другая опасность заключалась в том, что публичные дома были постоянными источниками криминальных случаев. Приставы в отчетах часто отмечали неприличное поведение потребителей услуг: «пьяные драки, выстрелы из револьвера, избивание проституток»⁴⁴. В 1892 г. на ул. Угодниковской (ныне ул. Ульяновская) «казак Винокуров в доме терпимости содержательницы Шпаренковой устроил стрельбу из револьвера по девицам из-за ссоры с ними; публичные женщины найдены были в безобразном состоянии»⁴⁵. Не отличались примерным поведением и служащие домов. Они позволяли себе обкрадывать своих клиентов: «5 ноября 1894 г. у крестьянина Новоузенского уезда с. Борисоглебовка Н. Н. Кокурина девицей Гусевой было украдено 700 рублей»⁴⁶. Таким образом, посещение публичных домов было опасным делом, в том числе потому, что здесь могли искалечить и ограбить клиента.

Среди посетителей публичных домов можно выделить несколько групп: постоянные клиенты, мужчины, придающие большое значение лечеб-

ному осмотру, «ленивые» мужчины, случайные посетители⁴⁷. К частым «гостям» из низшего разряда относились казаки, крестьяне, студенты, солдаты, ремесленники, именно эти социальные слои присутствуют в отчетах приставов при различных разбирательствах⁴⁸.

Деятельность ВПК г. Саратова была направлена на усиление контроля за билетной проституцией. Однако «настоящими хозяйками» городских улиц являлись одиночки-бланковые и тайные проститутки. По данным С. Г. Быкова, в г. Саратове в 1907 г. их насчитывалось свыше 5000⁴⁹. В отличие от билетной и бланковой проституции установить реальное число одиночек и тайных проституток трудно, поскольку последние не поддавались подсчету. Подпольная проституция процветала и вызывала тревогу как у властей города, так и общественности. Во-первых, собственницы публичных домов и бланковые платили налог за деятельность, в отличие от тайных проституток; во-вторых, именно тайные проститутки являлись распространителями венерических болезней, так как не подвергались врачебному осмотру; в-третьих, они не подчинялись административному контролю власти.

Рост общественного движения в Саратове против нелегальной проституции выразился в требовании переселить дома терпимости на окраины города⁵⁰. К 1909 г. все они были переведены на ул. Петинскую⁵¹ (ныне ул. Рабочая). Кроме того, для уменьшения численности тайной проституции ВПК использовал полицию и тайных агентов: в результате облав всех пойманных женщин насильно ставили на учет, выдавая вместо паспорта бланк. Так расширялся контингент бланковых проституток⁵².

Бланковая, или так называемая «одиночная», проституция в отличие от билетной, не была прикреплена к публичному дому. Проститутки подобного типа искали клиентов самостоятельно, из-за этого не имели постоянного пристанища и часто праздно шатались в трактирах, банях, кабаках, ресторанах и кафе.

«Одиночная» проституция воспроизводила аналогичную организацию со своими особенностями: съемные меблированные комнаты, рестораны для высокого и среднего классов и дешевые трактиры, ночлежные дома, предназначенные для «социального дна»⁵³.

Для контроля над бланковой проституцией ВПК Саратова рекомендовал применять практику домов свиданий. Подобные заведения начали открываться в городе только в начале XX в. В 1903 г. МВД утвердило правила для их содержания⁵⁴. Существенной разницы между «домами свиданий» и «домами терпимости» в действительности не было. Требования к владельцам обоих типов публичных домов были одинаковы. В уставе о содержании дома свиданий не прописывались обязанности самих «одиночек», напротив, они были направлены только в отношении хозяек.

Объясняется это тем, что власть таким образом стремилась привлечь проституток в официальные публичные дома. Женщины, обитавшие в этих домах, пользовались большой свободой, они беспрепятственно выходили на улицу на поиск клиентов и приводили их в квартиру. Хозяйка обеспечивала своих «съемщиц квартиры» питанием и жильем⁵⁵. К тому же в ее обязанности входил контроль за тем, чтобы «жрицы» раз в неделю посещали врача.

По мнению многих исследователей, «бланковые» проститутки обладали только внешней свободой от какого-либо учреждения, так как отчисления за квартиру и за стол составляли большую часть их дохода, и девушки чаще всего оказывались в полной зависимости от хозяйки⁵⁶. Следует отметить, что, несмотря на либеральные правила для проституток, в дореволюционном Саратове официально действовало всего 3 «дома свиданий»⁵⁷. Следовательно, одиночки промышляли в основном на улицах города, в ночлежках, трактирах и ресторанах. Непопулярность домов свиданий объясняется отсутствием увеселительных программ для мужчин, в то время как дома терпимости предлагали широкий выбор развлекательных мероприятий.

Таким образом, феномен проституции в Саратове на рубеже XIX–XX вв. явился закономерным результатом раннеиндустриальной модернизации России. Для предупреждения наметившихся тенденций в 1883 г. был создан ВПК по контролю за проституцией. В городе существовало четкое деление проституции на официальную и тайную. Публичные заведения дифференцировались на два вида: рассчитанные на состоятельных клиентов и «для черной публики». Рост масштабов проституции объясняется общими тенденциями социально-экономического развития страны.

Примечания

- ¹ Гремяченский Д. Современный строй и проституция. М. : Издание И. Д. Сытина, 1906. С. 5.
- ² Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.) : тенденции и социологическое осмысление / отв. ред. Я. И. Гилинский. СПб. : Алетейя, 2000. С. 319.
- ³ См.: Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге : 40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в. М. : Прогресс-Академия, 1994. С. 14.
- ⁴ См.: Илюхов А. А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М. : Новый Хронограф, 2008. С. 23.
- ⁵ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 60 (Саратовский полицмейстер). Оп. 1. Д. 5. Л. 33.
- ⁶ Там же. Ф. 4 (Саратовская городская управа). Оп. 1. Д. 518. Л. 3.
- ⁷ Там же. Л. 4.
- ⁸ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 18–19.
- ⁹ Там же. Л. 19.
- ¹⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 8.
- ¹¹ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

- ¹² Там же. Л. 31.
- ¹³ Там же. Л. 13.
- ¹⁴ Там же. Ф. 66 (Частные приставы города Саратова Саратовского городского полицейского управления). Оп. 2. Д. 34. Л. 75.
- ¹⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 11.
- ¹⁶ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.
- ¹⁷ Там же. Л. 46.
- ¹⁸ Там же. Л. 45.
- ¹⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 2.
- ²⁰ Там же. Ф. 59 (Саратовское городское полицейское управление Министерства внутренних дел). Оп. 1. Д. 130. Л. 30.
- ²¹ Там же. Ф. 66. Оп. 2. Д. 37. Л. 263–278.
- ²² Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1482. Л. 7.
- ²³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 31–35.
- ²⁴ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–12.
- ²⁵ Там же. Ф. 66. Оп. 2. Д. 24. Л. 34.
- ²⁶ Там же. Л. 13.
- ²⁷ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 130. Л. 30.
- ²⁸ Там же. Л. 35.
- ²⁹ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 155. Л. 23.
- ³⁰ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 38.
- ³¹ Там же. Л. 37.
- ³² Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 155. Л. 20.
- ³³ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 26. Л. 18.
- ³⁴ *Быков С. Г.* Проституция в г. Саратове и меры борьбы с ней. Саратов. 1922. С. 18.
- ³⁵ См.: ГАСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–47; Д. 155. Л. 1–37.
- ³⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 57; Д. 1910. Л. 1–44; Ф. 66. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–40; Д. 24. Л. 1–86; Ф. 66. Оп. 4. Д. 45. Л. 1–37.
- ³⁷ *Лебина Н. Б. Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 98.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 35.
- ³⁹ Там же. Л. 36.
- ⁴⁰ См.: *Илюхов А. А.* Указ. соч.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 57.
- ⁴² См.: Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. С. 26.
- ⁴³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 36.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1126. Л. 3.
- ⁴⁵ Там же. Д. 155. Л. 22.
- ⁴⁶ Там же. Д. 1488. Л. 25.
- ⁴⁷ См.: *Бентовин Б.* Торгующие телом // Антология социальной работы : в 5 т. Т. 2. М. : Сварог, 1995. С. 138.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 5.
- ⁴⁹ См.: *Быков С. Г.* Указ. соч. С. 19.
- ⁵⁰ См.: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 1.
- ⁵¹ Там же. Л. 22.
- ⁵² Там же. Д. 518. Л. 37.
- ⁵³ Там же. Ф. 66. Оп. 2. Д. 11. Л. 2; Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 35;
- ⁵⁴ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1488. Л. 10.
- ⁵⁵ Там же. Д. 1487. Л. 2.
- ⁵⁶ См., напр.: *Энгельштейн Л.* Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М. : ТЕРРА, 1996.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1482, 1487, 1488.

Образец для цитирования:

Ахметов А. А. Феномен проституции в повседневной жизни Саратова на рубеже XIX–XX веков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 548–553. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-548-553>

Cite this article as:

Akhmetov A. A. Saratov Prostitution at the Turn of the XX Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 548–553 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-548-553>